

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

На правах рукописи

Для служебного пользования

Экз. № 00122

КУРГИНЯН С. М.

**ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОННОСТИ В ЭТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

(№ 715 — уголовный процесс)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

3645

1992

Москва — 1967

Автор
К-97

На правах рукописи

Для служебного пользования

Экз. №

код экземпляра

145460

КУРГИНЯН С. М.

105
ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОННОСТИ В ЭТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(№ 715 — уголовный процесс)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

1968 г.

Москва — 1967

Работа выполнена во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Научный руководитель — кандидат юридических наук **М. Ю. Рагинский**.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор **Бородин С. В.**
кандидат юридических наук **Михайлов А. И.**

Диссертация направлена на отзыв в Прокуратуру РСФСР.

Автореферат разослан 25 декабря 1967 г.

Защита диссертации состоится 31 января 1968 г.

на заседании Совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (г. Москва, 2-я Звенигородская ул., дом 15).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке.

Ученый секретарь Института
кандидат юридических наук

В. В. Братковская

Искоренение нарушений правопорядка, ликвидация преступности, устранение причин, ее порождающих, стали общенародным делом и программным требованием партии¹.

Среди органов, принимающих участие в решении данной задачи, важное место принадлежит органам предварительного следствия, дознания и институту прокурорского надзора.

Для того, чтобы борьба с преступностью была действенной, чрезвычайно важно обеспечить неотвратимость наказания, быстроту его применения к лицам, виновным в совершении преступлений.

Каждое раскрытое преступление означает в конечном итоге предупреждение новых преступлений. Раскрытие преступления и предупреждение преступности — два тесно связанные и взаимнообусловленные понятия. Одно из необходимых условий успешной борьбы с преступными проявлениями — быстрота и оперативность раскрытия преступлений, обнаружения и задержания виновных. Если преступление не раскрыто и обвиняемый не разыскан, он имеет возможность совершать новые преступления, не создается также атмосфера неотвратимости наказания, и в глазах общественности подрывается авторитет органов государственной власти, призванных бороться с преступностью.

Коммунистическая партия и Советское государство требуют от органов следствия, прокуратуры и суда улучшать работу, повышать эффективность борьбы с преступностью. Так, в Постановлении от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью» ЦК КПСС и Совет Министров СССР для улучшения работы по розыску преступников предложили Министерству охраны общественного порядка СССР провести ряд организационных мероприятий. Обращено внимание также на необходимость совершенствовать формы и методы розыскной работы, внедрять для розыска опасных преступников оперативную технику, активно использовать помощь трудящихся, возможности печати, радио и телевидения.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». Госполитиздат, 1961, стр. 400.

Недостаточная эффективность розыска скрывшихся обвиняемых и неустановление лиц, совершивших преступления, — это, несомненно, один из факторов, способных отрицательно влиять на общее состояние преступности в СССР.

В настоящей работе делается попытка на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства союзных республик раскрыть основное содержание норм, связанных с институтами приостановления и возобновления производства по делу в стадии предварительного следствия и с прокурорским надзором за соблюдением законности.

Хотя со времени принятия действующего уголовно-процессуального законодательства прошло около 10 лет, институты приостановления и возобновления предварительного следствия глубокой научной разработки не подвергались; до сего времени нет не только монографических работ, но и достаточного числа статей, в которых получили бы свое всестороннее освещение эти проблемы. А вопросам прокурорского надзора за соблюдением законности в этой деятельности вообще ни одной статьи не посвящено. В то же время обстоятельное исследование этих проблем имеет важное теоретическое значение и может быть полезно для практики.

При подготовке диссертации автор опирался на обширную следственную практику органов прокуратуры и охраны общественного порядка всех союзных республик, а также на личный опыт, приобретенный в период работы следователем и помощником прокурора ряда районов Армении и следователем по особо важным делам при Прокуроре Армянской ССР.

В диссертации сопоставлено решение некоторых из рассматриваемых в данной работе проблем в советском уголовно-процессуальном законодательстве и законодательстве ряда зарубежных социалистических стран.

* *
*

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения.

Излагая особенности рассматриваемой проблемы, автор исходил из указания В. И. Ленина на необходимость «... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 67.

Истории институтов приостановления и возобновления производства по делу в советском уголовном процессе и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью приостановления следствия посвящена **первая глава**.

В этой главе освещаются в историческом плане правовые основания и порядок приостановления и возобновления следствия, вопросы прокурорского надзора, а также анализируются эффективность и действенность соответствующих процессуальных норм, действовавших на разных этапах становления Советского государства.

В частности, автор подчеркивает, что важную роль в развитии институтов приостановления и возобновления предварительного следствия сыграла Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий, изданная НКЮ 21 октября 1920 г.¹ Согласно Инструкции приостанавливать предварительное следствие разрешалось только при наличии достаточных доказательств, изобличающих виновного, и после вынесения мотивированного постановления о привлечении определенного лица в качестве обвиняемого.

Детальное изучение истории развития рассматриваемых проблем дало автору возможность сделать определенные выводы, внести практические предложения для дальнейшего развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Процессуальным основаниям приостановления и возобновления уголовных дел по действующему законодательству посвящена **вторая глава** диссертации.

Развитие институтов приостановления и возобновления предварительного следствия и прокурорского надзора в этой области в основном шло в том же направлении, что и эволюция других институтов советского уголовного процесса: усиления гарантий прав и охраняемых законом интересов обвиняемого и одновременно повышения процессуальной самостоятельности следователя. Параллельно с этим создавалась более четкая правовая регламентация данных институтов, в частности расширялись возможности раскрывать преступления и изобличать виновных.

Анализируя процессуальные основания приостановления предварительного следствия по действующему уголовно-процессуальному законодательству, автор критикует точку зрения П. С. Элькинд, утверждающей, что пп. 1 и 2 ст. 195 УПК РСФСР подлежат расширительному толкованию. В частно-

¹ «Систематический сборник для судебных деятелей», г. 1. 1917—1921. Пг., 1921.

сти, профессор Элькинд считает, что норма закона о возможности приостановления предварительного следствия в случае психического или иного тяжкого заболевания обвиняемого должна быть отнесена по аналогии и к случаям тяжкого заболевания потерпевшего¹.

Диссертант полагает, что применение аналогии в названных случаях может повлечь лишь крайне расплывчатое и произвольное толкование норм, регламентирующих приостановление предварительного следствия, что, в свою очередь, неизбежно приведет к нарушению законности.

Однако автор не считает безупречной и позицию тех процессуалистов, которые полностью исключают расширительное толкование ст. 195 УПК РСФСР.

В связи с тем, что процессуальный закон не регламентирует порядок выделения дела и приостановления производства в отношении отдельных лиц, не установленных следствием, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, — когда дело в отношении известных следствию обвиняемых направляется в суд, автору представляется, что дело о лицах, не установленных следствием, должно быть выделено и приостановлено. Он исходит при этом из основных положений п. 3 ст. 195 УПК РСФСР.

Анализ характерных особенностей и основных черт института приостановления предварительного следствия позволяет автору сформулировать следующее определение.

Под приостановлением предварительного следствия понимается регламентируемый нормами уголовно-процессуального права перерыв в расследовании в связи с выбытием из уголовного процесса обвиняемого, который как субъект уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений по различным причинам не может принимать участия в доказывании, либо в связи с неустановлением виновного, когда событие преступления установлено, исчерпаны все предусмотренные законом средства для завершения следствия и истек срок, отведенный законом на его производство.

Исследование процессуальных оснований приостановления предварительного следствия позволило автору выделить две группы условий, подробно изложенных в диссертации, при наличии которых приостановление производства по делу может быть признано законным и обоснованным. Первая группа — условия материально-правовые, вторая — уголовно-процессуальные.

¹ П. С. Элькинд. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, стр. 187—188.

При рассмотрении оснований приостановления предварительного следствия в работе анализируется проблема уклонения обвиняемого от следствия как одно из таких оснований, причем констатируется, что УПК союзных республик по-разному решают вопросы, связанные с непосредственным участием следователя в розыске скрывшегося обвиняемого и координацией деятельности следователей и органов дознания по его задержанию.

Некоторые положения сформулированы в законодательстве республик недостаточно четко. Только в УПК шести союзных республик (ст. 176 УПК Казахской, ст. 197 УПК Грузинской, ст. 211 УПК Азербайджанской, ст. 199 УПК Латвийской, ст. 185 УПК Киргизской и ст. 164 УПК Эстонской ССР) достаточно четко регламентирована роль следователя в розыске обвиняемого после приостановления предварительного следствия: следователь обязан как непосредственно, так и через органы дознания принимать меры к розыску обвиняемого.

Представляется, что разницей в законодательстве союзных республик в регламентации роли следователя в розыске обвиняемых по приостановленным делам должен быть устранен. В диссертации сформулированы конкретные предложения, направленные на единообразное решение этого вопроса.

В уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик, а также в процессуальной литературе нет достаточной четкости по вопросу о том, можно ли после приостановления предварительного следствия проводить следственные действия по задержанию скрывшегося обвиняемого, не возобновляя производство по делу.

Автор не соглашается с мнением тех ученых-юристов, которые считают, будто процессуальный закон по существу допускает после приостановления производства по делу совершение следственных действия, направленных на обнаружение скрывшегося обвиняемого¹. Сравнительный анализ уголовно-процессуальных кодексов позволяет прийти к выводу, что по буквальному смыслу норм (кроме норм УПК Эстонской ССР), определяющих процессуальный режим приостановления

¹ С. С. Овчинский. Взаимодействие при розыске обвиняемого, в кн.: «Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений». М., 1965, стр. 87; «Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР». Л., 1962, стр. 196; Н. В. Жогин, Ф. Н. Фатуллин. Предварительное следствие в советском уголовном процессе М., 1965, стр. 280.

новления предварительного следствия и вопросы розыска обвиняемого, не допускается совершение следственных действий без возобновления производства по делу.

Впрочем, в критикуемой позиции имеется, по мнению диссертанта, идея, заслуживающая внимания. Для успешного розыска скрывшихся от следствия обвиняемых действительно требуется применение не только оперативно-розыскных мер, но и производство отдельных следственных действий. В подобных случаях было бы разумно, не возобновляя следствие по приостановленному делу, произвести необходимые следственные действия.

Такое решение вопроса, продиктованное целесообразностью, не вытекает, однако, из действующего УПК РСФСР.

Иной подход содержится в УПК Эстонской ССР. Ст. 164 меняет в обязанность следователю после приостановления предварительного следствия непосредственно принимать меры к установлению местонахождений обвиняемого, производя необходимые следственные действия.

Представляется, что подобный подход следовало бы воспринять и УПК других союзных республик.

На основании изученных материалов прокуратуры и МООН союзных республик автор исследует обстоятельства, способствующие переходу на нелегальное положение лиц, скрывшихся от следствия, и в связи с этим рассматривает вопрос об эффективности избираемых следователем мер пресечения.

В диссертации обосновывается целесообразность принятия союзными республиками специальной нормы, которая предусмотрела бы обязательность заключения под стражу в качестве меры пресечения в тех случаях, когда обвиняемый злобно уклонился от следствия (если за совершенное преступление законом предусмотрено наказание не ниже двух лет лишения свободы). Вместе с тем предлагается закрепить в законе право прокурора по месту задержания разысканного заменять в случае необходимости арест другой мерой пресечения.

Автор полностью разделяет точку зрения В. И. Попова, который считает необходимым узаконить взыскание с преступника всех расходов, связанных с его розыском, когда он злобно уклонился от явки в органы расследования¹.

Рассматривая вопросы, связанные с применением давности к лицам, скрывшимся от следствия и суда, автор оспаривает правильность высказанной в литературе точки зрения, со-

¹ В. И. Попов. Розыскная деятельность при расследовании преступлений. Автореф. докт. дисс. М., 1966, стр. 19.

гласно которой дело производством не должно прекращаться до тех пор, пока преступник не будет найден, если даже после совершения преступления прошло 15 лет¹.

Сторонники такого решения основываются на том, что за время, пока велся розыск, обвиняемый мог совершить новое преступление, которое прервало течение давности.

Однако продолжать розыск бесцельно, после истечения установленного в законе срока давности, вслепую — поскольку неизвестно, совершил ли разыскиваемый такое преступление, которое прерывает течение срока давности, — не оправдано процессуально и связано с бесцельным расходом государственных средств.

В этой же главе рассматриваются вопросы, связанные с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого, порождающим правовое основание для приостановления предварительного следствия.

Как известно, п. 2 ст. 195 УПК РСФСР устанавливает, что заболевание должно быть удостоверено врачом, работающим в медицинском учреждении.

Автор придерживается мнения, что для окончательного решения вопроса о приостановлении предварительного следствия на основании п. 2 ст. 195 УПК РСФСР недостаточно справки врача, удостоверяющей болезнь обвиняемого; в этих случаях необходимо заключение эксперта. При этом автор исходит из того, что п. 2 ст. 79 УПК РСФСР, регламентируя порядок проведения экспертизы, считает ее обязательной для определения психического состояния обвиняемого².

Следовательно, в подобных случаях надлежит руководствоваться ст. 79 УПК РСФСР, т. е. приостанавливать дело

¹ Г. З. Анашкин. Некоторые вопросы судебной практики по применению Основ уголовного законодательства. «Советское государство и право», 1960, № 5; В. А. Лукашов. Правовые вопросы, связанные с розыском скрывшихся преступников. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 3, М., 1966; К. Д. Шатило. Приостановление дознания и предварительного следствия. Лекция. М., 1963, стр. 21.

Не вызывает спора вопрос о давности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, за которые может быть назначена смертная казнь (согласно п. 4 ст. 48 УК РСФСР этот вопрос разрешается судом), и лиц, совершивших военные преступления, преступления против мира и человечности (согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. давность в этих случаях не применяется).

² Это правило относится к тем случаям, когда возникает сомнение по поводу вменяемости обвиняемого или его способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

только после того, как психическая или иная тяжкая болезнь обвиняемого будет удостоверена заключением эксперта.

Не исключено, что в некоторых случаях заключение эксперта послужит основанием не для приостановления, а для прекращения производства по делу либо направления дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

В работе исследуются вопросы, связанные с помещением обвиняемого в медицинское заведение на стационарное обследование.

По мнению автора, время пребывания обвиняемого или подозреваемого как в судебно-психиатрическом, так и в судебно-медицинском учреждении должно засчитываться в срок содержания под стражей, независимо от того, какая мера пресечения в отношении него была избрана в момент помещения его в медицинское учреждение. Это утверждение диссертант аргументирует, в частности, тем, что помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение как мера процессуального принуждения по степени ограничения передвижения и личной свободы приближается по сути к заключению под стражу.

Раскрывая сущность и юридическую природу неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, как основания для приостановления предварительного следствия, автор критически рассматривает точку зрения С. А. Шейфера, который считает, что если уголовное дело в отношении известного обвиняемого прекращается за недоказанностью его участия в совершенном преступлении, то это означает в то же время и прекращение всего производства по делу (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР)¹. Только если рассматривать каждую из относящихся к данному вопросу конкретных норм уголовно-процессуального законодательства изолированно, не сопоставляя их и не сообразуясь с основными положениями института приостановления предварительного следствия, можно прийти к такому выводу.

Правильнее считать, что и в подобном случае дело производством должно не прекращаться, а приостанавливаться, хотя оно и прекращено в отношении конкретного лица. Это вытекает из основного принципа института приостановления предварительного следствия: при установлении с несомненностью события преступления и если исчерпаны все тактиче-

¹ С. А. Шейфер. Некоторые вопросы прекращения уголовных дел в стадии дознания и предварительного следствия. «Вопросы криминалистики». 1961, № 1—2, стр. 61.

ские и процессуальные возможности для его раскрытия, дело должно быть приостановлено производством, при отсутствии оснований для прекращения, предусмотренных ст. ст. 5—9 УПК РСФСР.

Это утверждение базируется и на анализе норм, закрепленных в ст. ст. 2 и 3 Основ уголовного судопроизводства, возлагающих на органы борьбы с преступностью обязанность раскрывать каждое преступление, и норм ст. 195 (п. 3) УПК РСФСР, требующих при неустановлении лица, совершившего преступление, не прекращать, а приостанавливать производство, если не истекли предусмотренные уголовным законом сроки давности.

Неправильное применение рассматриваемых норм уголовно-процессуального закона отрицательно сказалось на практике: в течение ряда лет необоснованно прекращались уголовные дела за недоказанностью участия обвиняемых в совершении преступлений, а виновные остались неустановленными.

Для пресечения подобной практики, а также чтобы обеспечить правильное применение п. 3 ст. 195 УПК РСФСР, 7 июня 1963 г. Прокуратура СССР дала указание о том, что при прекращении дела в отношении конкретного лица производство по делу приостанавливается. Но из этого правила допущено изъятие: когда не установлено событие преступления или когда по обстоятельствам дела исключается совершение преступления другим лицом (например, по заявлениям об изнасиловании в отношении конкретных лиц) дело должно быть производством прекращено. Однако этим изъятием не завершается позитивное решение вопроса, так как прекращение уголовного дела по обстоятельствам, исключающим совершение данного преступления другим лицом, кроме обвинения, — это мера, основанная всего лишь на предположении следственных органов. Подобное решение вопроса приводит и к тому, что практикуется «списание» нераскрытых преступлений, чем создается видимость благополучия в борьбе с преступностью¹.

В диссертации сформулировано конкретное предложение (о дополнении п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР), направленное к тому, чтобы устранить отмеченные нежелательные явления в деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью. Автор при этом исходит из ч. 4 ст. 309 УПК РСФСР (и соответствующим ей статей УПК других союзных республик), согласно которой «Если при постановлении оправдательного

¹ По этому вопросу см.: И. М. Гуткин. Дальнейшее совершенствование советского уголовно-процессуального законодательства. «Труды Высшей школы МООП РСФСР», 1965, № 12, стр. 175—191.

приговора за недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления лицо, совершившее это преступление, останется невыясненным, суд, по вступлении приговора в законную силу, направляет дело прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого».

Рассматривая вопросы, связанные с возобновлением предварительного следствия, автор констатирует, что правовым основанием возобновления производства в советском уголовном процессе служит мотивированное постановление, которое выносит следователь или прокурор. Это предусмотренное законом следственное действие, цель которого—дать делу дальнейший ход. Необходимость возобновления производства по делу возникает на таком этапе расследования, когда отпали обстоятельства, обусловившие приостановление предварительного следствия.

Сопоставив соответствующие положения УПК союзных республик, автор приходит к выводу, что возникает насущная необходимость унифицировать норму о праве следователя в определенных границах и объеме производить по приостановленным производством делам соответствующие следственные действия для установления лица, совершившего преступление, и без возобновления производства по делу. Необходимость этого диктуется тем, что все УПК союзных республик вменяют следователю в обязанность по приостановленным производством делам обнаружить лицо, совершившее преступление, но большая часть УПК не предоставляет следователям адекватных процессуальных возможностей для выполнения этой обязанности¹.

Наделение следователя такими правами, несомненно, будет стимулировать его активность в борьбе с нераскрытыми преступлениями, даст ему возможность в случае необходимости незамедлительно производить следственные действия.

В главе третьей диссертации в криминалистическом и процессуальном аспекте исследуются наиболее типичные причины, затрудняющие раскрытие преступлений, вопросы органи-

¹ Данный вопрос позитивно разрешен в УПК Латвийской (ст. 200), Киргизской (ст. 186), Армянской (ст. 190) и Эстонской ССР (ст. 164), где говорится о том, что после приостановления предварительного следствия следователь обязан принять меры к установлению лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, и произвести необходимые следственные действия.

Сходные нормы имеются в УПК Молдавской (ст. 174—175), Таджикской (ст. 197—198) и Туркменской ССР (ст. 205—206), но между нормами каждого из этих кодексов имеется известная несогласованность.

зации взаимодействия следователей с органами милиции и общественностью.

Для выявления обстоятельств, способствующих тому, что преступление осталось нераскрытым, автор изучил свыше 200 приостановленных дел об опасных преступлениях. С целью установить, типичны ли для всей страны ошибки, обнаруженные в работе по раскрытию преступлений, автор сопоставлял материалы по различным союзным республикам и пришел к выводу, что ошибки следователей в данной области в основном однотипны.

Среди выявленных нарушений, которые наносят серьезный урон делу борьбы с преступностью и наиболее распространены, — сокрытие нераскрытых преступлений от оперативного учета, отсутствие уголовно-розыскных дел.

Пренебрежение оперативно-розыскным учетом — одно из грубейших нарушений социалистической законности. Во-первых, не возбуждается уголовное дело, хотя факт преступления налицо (о чем органами милиции получено заявление или иное сообщение), следовательно, не принимаются меры к раскрытию преступления. Это в свою очередь ущемляет права и законные интересы граждан. Во-вторых, искажаются статистические данные по отдельным видам преступлений, и, стало быть, не разрабатываются более эффективные мероприятия по борьбе с преступностью. В-третьих, судебные органы, не имея точных сведений о распространенности данного вида преступлений, могут в некоторых случаях неправильно оценить общественную опасность деяния и применить к виновным несоизмеренно мягкое наказание.

Диссертанту представляется целесообразным (исходя из того, насколько широко распространено данное нарушение законности в следственной практике) дополнить главу восьмую «Преступления против правосудия» УК союзных республик специальной нормой об уголовной ответственности лиц, виновных в злостном сокрытии от учета нераскрытых опасных преступлений.

Наряду с анализом наиболее типичных причин, затрудняющих раскрытие преступлений, автор формулирует предложения, способствующие раскрытию преступлений по приостановленным производством делам.

В диссертации рассматривается взаимодействие следователя с оперативными работниками милиции и общественностью с целью раскрытия преступлений и розыска скрывшихся обвиняемых. Взаимодействие следователя и органов милиции в процессуальном смысле означает основанное на законе и ве-

домственных нормативных актах деловое сотрудничество органов следствия и дознания при строгом разграничении обязанностей, полномочий и выполняемых функций, направленное на решение частных, конкретных задач с целью быстрого и полного раскрытия преступлений, обнаружения и задержания скрывшихся от следствия обвиняемых.

В процессе взаимодействия органов следствия и дознания при расследовании любого преступления во всех случаях необходимо, чтобы были обеспечены: процессуальная самостоятельность следователя при решении вопросов, относящихся к расследованию конкретного уголовного дела; полная независимость оперативного работника органа дознания в выборе средств и методов, а также определении тактики при проведении согласованных оперативно-розыскных мероприятий; строгое разграничение сферы деятельности розыскных органов и следственного аппарата при расследовании конкретного уголовного дела; определение объема и пределов совместной работы, согласованное и целеустремленное проведение намеченных мероприятий и исключение параллелизма в проведении конкретных действий; руководящая роль следователя при взаимодействии, поскольку он определяет направление всего следствия. Все нити расследования должны сосредоточиваться в его руках, оперативным работникам надлежит точно и неуклонно выполнять указания следователя, относящиеся к предмету доказывания по конкретному делу.

Рассматривая вопросы взаимодействия следователей с органами милиции по нераскрытым преступлениям и розыску скрывшихся от следствия обвиняемых, автор, соглашаясь с точкой зрения А. Ларина¹, критикует неправильную практику, когда следователи прокуратуры, которые ведут наиболее сложные и ответственные дела, фактически лишены права непосредственно знакомиться с материалами оперативного характера.

Представляется, что назрела необходимость ведомственными нормативными актами руководящих органов прокуратуры и МООП разрешить данный вопрос, предоставив следователям прокуратуры право (которое с 8 июня 1963 г. имеют следователи МООП) непосредственно пользоваться в процессе расследования уголовных дел необходимыми оперативно-розыскными материалами.

¹ А. Ларин. Процессуальные вопросы соотношения следствия и оперативно-розыскной деятельности органов дознания. «Социалистическая законность», 1964, № 7, стр. 15—16.

В работе критикуется точка зрения В. В. Коротенко¹ и И. В. Михайленко², которые, по мнению автора диссертации, слишком широко трактуют компетенцию органов дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно.

Органы дознания должны производить следственные действия лишь в случаях, не терпящих отлагательства. Помимо этого, возвращать дело органам дознания на срок, превышающий предусмотренный в законе, и ждать, пока они раскроют преступление (как предлагают В. В. Коротенко и И. В. Михайленко), значит возложить на эти органы всю тяжесть ведения расследования.

Существующая практика, при которой работники милиции вынуждены выполнять действия двойного характера: наряду с оперативно-розыскной деятельностью, направленной на обслуживание следственных аппаратов МООП и прокуратуры, они непроизводительно затрачивают усилия на выполнение множества процессуальных действий (которые следователь может осуществить более квалифицированно), — не обеспечивает полностью эффективность раскрытия преступлений.

Целесообразно поэтому оставить на обязанности органов милиции лишь их основные функции по борьбе с преступностью — оперативно-розыскные. Автор придерживается мнения, что рационально изменить норму закона, значительно сократить время, отводимое на выполнение неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления. Нецелесообразность сохранения срока в 10 дней вытекает как из задач борьбы с преступностью, так и из факта создания следственного аппарата МООП. Срок выполнения неотложных следственных действий можно ограничить тремя днями, внося соответствующее изменение в ст. 121 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

Исследуя вопросы, связанные с ролью общественности в деле раскрытия преступлений и розыска скрывшегося от следствия обвиняемого, в диссертации показано, что участие общественности в борьбе с преступностью имеет не только практическое, но и большое политическое значение, так как способствует претворению в жизнь ленинских идей об участии широких народных масс в решении вопросов управления государством.

¹ В. В. Коротенко. Некоторые вопросы подследственности и соотношения компетенции органов следствия и дознания. «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М., 1962, стр. 79.

² И. В. Михайленко. Дознание в органах советской милиции и его взаимодействие с предварительным следствием. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 14.

Привлечение общественности к раскрытию преступлений и розыску скрывшихся от следствия обвиняемых, в какой бы форме оно не применялось, требует соблюдения определенных условий. Среди них: добровольность участия представителей общественности в борьбе с преступностью, инструктаж их и обеспечение их безопасности. В надлежащих случаях в соответствии со ст. 139 УПК РСФСР от лиц, которые привлечены к раскрытию преступления и розыску обвиняемого, может быть взята подписка о неразглашении данных предварительного следствия.

Привлекать общественность к раскрытию преступления и розыску скрывшегося обвиняемого нужно так, чтобы это не носило характера сенсации, не вызывало паники, не порождало бы ложных представлений о состоянии преступности¹.

Поручать представителям общественности выполнение следственных действий недопустимо, ибо такие действия — исключительная компетенция следственных органов.

В четвертой главе диссертации раскрывается сущность и содержание прокурорского надзора за законностью и обоснованностью приостановления и возобновления уголовных дел, а также исследуются вопросы прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности органов милиции по приостановленным делам о скрывшихся обвиняемых и нераскрытых преступлениях.

Надзор за законностью и обоснованностью приостановления и возобновления предварительного следствия — один из участков прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Надзор осуществляется здесь с помощью тех правовых средств и методов, которые вообще присущи прокурорскому надзору за исполнением законов при расследовании преступлений, но при этом применяются и некоторые специфические правовые формы надзора, а также методы выявления нарушений закона и устранения таких нарушений.

Осуществляя надзор за соблюдением законов по делам, производство которых приостановлено или возобновлено, прокурор применяет различные правовые средства надзора. Избрание того или иного средства находится в прямой зависимости от того, за законностью каких процессуальных действий

¹ Об этом же см.: А. Н. Васильев. Участие общественности в раскрытии преступлений. «Материалы совещания следственных работников органов прокуратуры». М., 1960, стр. 104; В. М. Савицкий. Некоторые вопросы участия общественности в расследовании преступлений. «Советское государство и право», 1964, № 11, стр. 78; В. А. Стрёмовский. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1966, стр. 257—258 и др.

или актов осуществляется надзор. Этим, в свою очередь, определяется выбор конкретного метода для наиболее эффективного выполнения прокурором функций по надзору.

В диссертации дается определение форм и методов прокурорского надзора, исследуются его специфические особенности в рассматриваемой сфере деятельности, отмечаются его основные направления.

В частности, прокурор выясняет, имело ли место деяние, вменяемое скрывшемуся от следствия обвиняемому, и есть ли в этом деянии состав преступления; добыты ли в ходе расследования достаточные доказательства для привлечения определенного лица в качестве обвиняемого; правильно ли избрана мера пресечения в отношении скрывшегося от следствия обвиняемого; соответствует ли оценка фактических данных требованиям ст. 195 УПК РСФСР; произведены ли все следственные действия, возможные в отсутствие обвиняемого; принимаются ли меры к его обнаружению, а равно к установлению лица, совершившего преступление; истек ли установленный ст. 195 УПК РСФСР срок предварительного следствия; выявлены ли обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ст. 21 УПК РСФСР); приняты ли меры к их устранению (ст. 140 УПК РСФСР); достаточны ли принятые следователем меры для установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; ведется ли его розыск; выполняются ли органами дознания поручения и указания следователя о производстве розыскных и следственных действий; участвовала ли общественность в раскрытии преступления и задержании скрывшихся от следствия обвиняемых; точно ли применены уголовный и другие законы при расследовании дела; правильно ли осуществляется взаимодействие следователя и оперативного работника милиции по розыску и задержанию скрывшихся обвиняемых после приостановления предварительного следствия.

В процессе надзора за неуклонным соблюдением законности приостановления и возобновления производства, прокурор, обнаружив нарушение законности, применяет правовые санкции. Использование им санкции того или иного вида находится в прямой зависимости от характера допущенного должностным лицом нарушения. В диссертации рассматриваются процессуальные, дисциплинарные, уголовно-правовые и правосоставительные санкции.

Исследуя обширный фактический материал, диссертант анализирует нарушения и ошибки, допускаемые прокурорами, осуществляющими надзор за соблюдением законности при раскрытии преступлений и розыске скрывшихся обвиняемых.

В частности, показано, что чрезмерно высок процент обвиняемых, скрывшихся от следствия после избрания в отношении их меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей. Например, в 1964 г. число таких лиц составляло по СССР свыше 20% общего числа разыскиваемых. Положение оставалось стабильным и в последующие годы (1965—1966). Только по данным прокуратуры Латвийской ССР на 21 ноября 1966 г. этот процент достиг 37. Причина такого положения кроется не только в том, что неправильно избирается мера пресечения и зачастую отсутствует действенный прокурорский надзор за обоснованностью избрания меры пресечения, не связанной с арестом, но, — и это главное, — в том, что отсутствует надзор за поведением таких лиц, меры к предупреждению их уклонения от следствия не принимаются.

В этой связи в диссертации содержатся практические рекомендации, направленные на предотвращение уклонения от следствия. В частности, предлагается привлечь общественность к наблюдению за поведением обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу. Наблюдение за поведением таких лиц целесообразно также вменить в обязанность соответствующим работникам милиции.

Исследуя вопросы прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной работе органов МООП, автор освещает ее роль и значение в деле раскрытия преступлений и розыске скрывшихся от следствия обвиняемых, пределы, объем и правовые формы прокурорского надзора за этой деятельностью.

В соответствии со ст. 118 УПК РСФСР оперативно-розыскная деятельность органов милиции протекает в двух направлениях. С одной стороны, она осуществляется в связи с совершенным преступлением и всецело служит его раскрытию; с другой стороны, это — мероприятия профилактического характера, направленные на предупреждение возможных и пресечение готовящихся преступлений.

К теме диссертации непосредственное отношение имеет первое из названных направлений оперативно-розыскной деятельности. Автор делает вывод, что фактические данные, добытые оперативно-розыскным путем, могут стать доказательствами только тогда, когда они будут собраны, исследованы и оценены в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального закона. Иных путей допуска оперативно-розыскных материалов в сферу уголовного судопроизводства закон не знает.

Следовательно, оперативно-розыскная деятельность по от-

ношению к доказыванию носит вспомогательный, подсобный характер. Чтобы предотвратить смешение процессуальной деятельности с оперативно-розыскной представляется важным обнаружение доказательств не включать в элемент доказывания, отличать обнаружение фактических данных от собирания доказательств. Само по себе обнаружение предметов, документов, различных источников доказательств еще не представляет доказательства в процессуальном смысле.

Некоторые ученые-юристы и многие практические работники МООП придерживаются мнения, что оперативно-розыскная деятельность находится вне сферы прокурорского надзора и прокурору не дано право знакомиться с оперативными материалами. В диссертации показано, что такой подход приводит к весьма сложным ситуациям. Иногда, например, прокуроры республик вынуждены обращаться к Генеральному Прокурору СССР с просьбой содействовать в получении (для ознакомления) оперативно-розыскных материалов из органов милиции.

Но нередко процессуалисты впадают и в другую крайность. Забывая специфику правового статуса подразделений ОБХСС и ОУР в уголовном судопроизводстве, они не учитывают особенностей предмета и пределов прокурорского надзора за соблюдением законности в рассматриваемой сфере. По мнению, например, Г. М. Ясинского, надзор прокурора распространяется не только на проверку соблюдения законов, но и на проверку исполнения ведомственных, административных актов без учета объекта их правового регулирования¹.

На наш взгляд, Г. М. Ясинский чрезмерно широко трактует объект надзора, поскольку из его рассуждений следует, что прокурор может вмешаться даже в организацию и производство негласно-оперативных мероприятий.

Несколько иначе решают рассматриваемую проблему В. К. Звирбуль, А. И. Жуков², А. Р. Ратинов³.

Они утверждают, что при надзоре за законностью в оперативно-розыскной деятельности строго ограничены основа-

¹ Г. М. Ясинский. Взаимоотношения следователя МООП и органов дознания. «Социалистическая законность», 1964, № 7, стр. 20.

² В. К. Звирбуль, А. И. Жуков. Некоторые вопросы прокурорского надзора за точным исполнением законов в деятельности милиции по борьбе с преступностью. «Вопросы криминалистики», 1961, № 1—2, стр. 80—82.

³ А. Р. Ратинов. Роль прокурора в организации взаимодействия следователей прокуратуры и органов милиции, в кн.: «Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений». М., 1965, стр. 38.

ния и пределы вмешательства в работу должностных лиц ОБХСС и ОУР, что прокурорский надзор в этой сфере осуществляется только в случае получения сигнала (жалобы, заявления и т. д.), а проверка ограничивается пределами жалобы, заявления. Эта в принципе правильная точка зрения о том, что прокурор надзирает за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности органов МООП, вызывает некоторые возражения.

Известно, что на оперативный учет берутся нераскрытые особо опасные преступления, и по ним органы милиции ведут уголовно-розыскные дела с целью организации оперативно-розыскных мероприятий. На лиц, уклоняющихся от следствия, оперативный работник, которому поручено ведение розыска, на основании постановления следственных органов обязан в течение пяти суток оформить розыскное дело. В этих случаях прокурор по собственной инициативе не только вправе, но и обязан систематически знакомиться на месте или истребовать для ознакомления как уголовно-розыскные, так и розыскные дела, что позволит своевременно выявить допущенные нарушения законности или бездействие работников милиции и принять соответствующие меры. Ясно, что в подобных случаях сфера прокурорского надзора расширяется, а сам надзор выражается в проверке полноты осуществления органами милиции их обязанностей по ведению оперативного учета, розыску скрывшихся обвиняемых и раскрытию преступлений.

Таким образом, значительно увеличиваются возможности прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности, создается более гибкая его форма.

Такая форма прокурорского надзора за законностью в оперативно-розыскной деятельности учитывает повседневные интересы борьбы с преступностью, и в пользу своей позиции автор диссертации приводит обширный фактический материал, свидетельствующий о том, что ввиду отсутствия действенного прокурорского надзора значительная часть приостановленных производством уголовных дел о нераскрытых особо опасных преступлениях и скрывшихся от следствия обвиняемых почти во всех союзных республиках находилась без движения.

В силу сказанного безоговорочное согласие с теми юристами, которые стремятся ограничить круг надзорных правомочий прокурора только вмешательством по конкретным жалобам и заявлениям, означало бы неоправданное сужение возможностей прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью органов милиции. Однако и при предложенном автором решении данного вопроса необходимо иметь

в виду, что прокурор не вправе вмешиваться в самую суть оперативной работы, а тем более руководить ею. Он лишь осуществляет надзор за соблюдением законности при проведении этой работы.

Поэтому автор считает целесообразным не ограничивать данные статистической отчетности лишь числом приостановленных производством дел, а учитывать и число произведенных прокурором проверок уголовно-розыскных дел.

Во избежание межведомственных трений необходимо в законодательном порядке закрепить право прокурора истребовать для проверки материалы оперативно-розыскного характера, предусмотреть правовые формы выявления и предупреждения нарушений законности, а также меры по устранению выявленных нарушений.

В работе сформулирован один из наиболее приемлемых, по мнению диссертанта, вариантов регламентации прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности органов милиции.

Исследование проблем, рассмотренных в диссертации, позволяет в заключительной ее части предложить в порядке рекомендации более совершенные, по мнению автора, формулировки действующих статей УПК РСФСР, регламентирующих вопросы приостановления и возобновления предварительного следствия и прокурорского надзора в этой деятельности. Автором предложены также некоторые практические меры, способствующие усилению эффективности розыска скрывавшихся от следствия обвиняемых и установления лиц, совершивших преступления.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Некоторые вопросы приостановления и возобновления предварительного следствия и прокурорский надзор за этой деятельностью. «Молодой ученый». Ереван, 1967, № 6.
2. Некоторые вопросы прокурорского надзора за соблюдением законности по розыску скрывшихся обвиняемых. «Социалистическая законность», 1967, № 12 (в соавторстве).
3. Прокурорский надзор за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности милиции. «Вопросы борьбы с преступностью». М., 1967.
4. Некоторые вопросы помещения обвиняемого в медицинское учреждение на стационарное обследование. «Информационное письмо» Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1967, № 12.
5. История одного незаконно приостановленного производством дела. «Следственная практика». М., № 78.

1967,